

Хвала небесному голосу, восхвалявшему Мин Чжэня, всё ещё звучала в ушах, но глубоко укоренившиеся представления о рангах и правилах продвижения по службе заставили многих чиновников скептически относиться к этому повышению.

Даже если он действительно прошёл через все шесть министерств благодаря своим талантам, то его внезапный скачок с младшего седьмого ранга до третьего ранга заместителя министра чиновников казался невероятным! Такое стремительное повышение нарушало установленные порядки.

Ли Чжао также почувствовал это недовольство. Вместо того чтобы считать это повышение неуместным, он даже немного пожалел Мин Чжэня.

Если бы Мин Чжень не выступил против влиятельных людей из-за дела о мошенничестве на экзаменах, то, будучи трижды первым студентом и обладая поддержкой семьи правого канцлера, он мог бы рассчитывать на блестящую карьеру в Академии Ханьлинь. Зачем же ему было сидеть на холодной скамье и теперь терпеть критику за своё повышение?

Так размышляя, Ли Чжао частично винил себя, а частично с лёгкой обидой бросил взгляд на императорский трон — отец был слишком скуп на таланты. Мин Чжень, такой великолепный студент, словно звезда Учения, был просто отставлен в сторону!

К счастью, небесный голос прибыл заранее, и Мин Чжень ещё не сдавал экзамены. На этот раз он станет самым прославленным студентом в столице. Хотя... Его отец не будет мстить за ещё не произошедшее, верно?

Император, чуткий как никто другой, сразу заметил "непочтительный" взгляд Ли Чжао. Зная своего сына как никто другой, он мгновенно понял, что тот думает о нём. Император строго посмотрел на него в ответ — этот сын явно был предателем семейных интересов.

Из слов небесного голоса Ли Чжао также знал, что дело Чуского принца затронуло многих. Будучи императором, он был вынужден казнить собственного сына ради стабильности государства, и сердце его болело от этого решения.

В таких обстоятельствах, хотя Мин Чжень и высказался справедливо, в глазах императора он стал одним из тех, кто "помог" убить принца. Не отправить его прочь со службы уже было милостью, учитывая влияние его отца, правого канцлера. Оставить его рядом, доверять важные дела? Это казалось полным безумием!

Чем больше он думал об этом, тем больше злился. Его взгляд упал на правого канцлера, который спокойно стоял впереди среди чиновников. Почему отец Мин Чжэня не возражал? Этот мальчишка только и делает, что создаёт проблемы!

Мин Чжень, слушая оценку небесного голоса о своём времени на холодной скамье, сохранял спокойствие. Этот результат был предсказуем.

Он был самым подходящим человеком. Ли Чжао долгое время не хотел участвовать в борьбе за престол, но, выступив, неизбежно был бы втянут в интриги. Они даже поспорили об этом. Мин Чжень задумчиво посмотрел вдаль, словно возвращаясь к тому осеннему дню три месяца назад...

В резиденции принца Жуй, осенний ветер гнал сухие листья по двору, а споры в зале Байлу снова напугали птиц, готовящихся к перелёту на юг.

"Нет! Мин Чжень, ты не должен участвовать в этих экзаменах, нельзя быть лидером!" Ли Чжао хмурился. "Если ты возглавишь протест в деле о мошенничестве, как бы ни закончилось, мой отец обязательно будет настроен против тебя."

Сюй Тун уже заключил сделку с принцем Ци. Я знаю его характер — как только начнутся слухи, он сам раскроется. Моя репутация уже испорчена, так что я могу сказать, что мне не понравился Сюй Тун, и нарочно искал проблем. С моим положением принца и любовью отца, я смогу просто делать вид, что ничего не знаю, и всё обойдётся."

"Ваше Высочество, именно потому что вы принц, вам нельзя вмешиваться!" Голос Мин Чжэня оставался мягким. "Мы должны использовать силу учёных. Это дело не должно иметь никаких подозрений в партийной борьбе."

Вы не можете представлять тысячи учёных, которые годами учились. Они не почувствуют настоящей связи с принцем, защищающим их. Если кто-то запутает воду и назовёт это борьбой принцев, мы потеряем всё и предадим тех, кто пострадал. Я же, как участник экзаменов, могу возглавить это движение, и это будет естественно и вызовет отклик."

"Я сказал нет!" Ли Чжао резко отвернулся, его голос был редко упрямым.

Мин Чжень посмотрел на его напряжённую спину, его взгляд смягчился. "А Чжао," — тихо позвал он.

Тело Ли Чжао чуть заметно дрогнуло.

"Подумай о тех, кто десять лет учился, но потерял будущее из-за мошенничества знати," — медленно сказал Мин Чжень.

Как всегда, Ли Чжао был мягким. Его плечи опустились, голос стал тише, полный беспокойства: "А если отец действительно разозлится на тебя и отправит из столицы?"

Услышав его колебания, уголки губ Мин Чжэня тронула уверенная улыбка: "Разве ты не здесь? Тогда придётся тебе потрудиться для меня. Если совсем ничего не получится..." Он сделал паузу, добавив лёгкий, почти шутливый намёк: "Тогда, возможно, придётся тебе сопровождать меня на новое место службы."

Мин Чжень никогда не сомневался в своей карьере. В конце концов, эта уверенность и кажущееся лёгким обещание убедили молодого принца, который заботился о нём.

Вернувшись к реальности, Мин Чжень тихо вздохнул. Небесный голос раскрыл будущее, и теперь нужно подумать, как утешить А Чжао.

[Этот ход Святого Предка — "ты иди своей дорогой, а я поменяю своих людей" — полностью ошеломил тех чиновников, которые взяли отпуск. Они поняли, что Императору совершенно всё равно, если они уйдут.

Если ты играешь в политику, он просто заменит тебя. Хочешь применить силу? Только если тебе не нужна голова на плечах. Переход власти был стабильным, а императорская гвардия не была просто декорацией.

Кроме того, реформа экзаменов в основном касалась гражданских чиновников, а военные экзамены проверяли реальные боевые искусства и стратегию. Военные радовались, видя, как гражданские чиновники попадают в затруднительное положение, и их невозможно было переманить.]

Этот анализ заставил современных чиновников, которые ещё надеялись давить коллективными усилиями, почувствовать себя в будущем. Политика не работала, сила была невозможна — что ещё оставалось? Разве можно было отказаться от должности?

[Что делать? Нельзя оставаться в таком положении вечно. Кто-то быстро нашёл выход — предложил помочь Императору написать книгу! Ваше Величество, раз вы хотите дополнительные экзамены, нужны единые официальные учебники. Позвольте мне предложить свои услуги для их написания.

Святой Предок был рад — это как раз то, что нужно. "Хорошо, если у тебя есть такое желание, возвращайся на свою должность и начинай работу!"

Оказалось, что этот умный человек — это будущий министр чиновников, о котором говорилось ранее, Тянь Юань, получивший "полутабличку".]

Ш-ш-ш —

В этот момент бесчисленные взгляды, смешанные с удивлением, презрением и лёгкой завистью, устремились на Тянь Юаня, который только что был повышен с заместителя министра до министра. Все внутренне осуждали его: предатель! Слабак!

Тянь Юань, с его круглым, добродушным лицом, встретил эти взгляды с улыбкой. Для него искусство управления заключалось в "гибкости". Зная, что сопротивление императору бесполезно, он выбрал путь мудрости. Умный человек знает, когда уступить.

[С Тянь Юанем в качестве примера другие также последовали его примеру, предлагая написать книги, чтобы вернуться в правительство. Но наш Святой Предок не был тем, кто принимал всех.

Именно поэтому появилась первая систематизированная и независимая книга по управлению в истории Хуа, написанная в основном Тянь Юанем, на сотни лет раньше, чем в западных странах!

Ранее ведущий упоминал, что одна из причин литературного расцвета эпохи Святого Предка заключалась именно в этом. В этот период появились систематизированные профессиональные системы и мысли, заложившие основу для будущего процветания академической науки.]

Небесный голос намекал: написание книг, чтобы остаться в истории!

Эти восемь слов, словно тяжёлый груз, сильно ударили по сердцу каждого учёного чиновника. Почти все учёные мечтали о таком идеальном результате. Тянь Юань, которого считали предателем, смог получить место в истории благодаря этим практическим знаниям, и его труды были признаны классикой!

Презрительные взгляды на "измену" Тянь Юаня быстро сменились завистью и даже ревностью. Если участие в таком великом деле обеспечит вечную славу, то временные политические компромиссы значат мало. Взгляды на Тянь Юаня стали сложными, но желание и энтузиазм полностью затмили презрение.

Многие убеждённые противники внутренне заколебались. Если результатом сопротивления станет полное отстранение от времени, а следование тенденции принесёт возможность участвовать в создании классики будущего... выбор между выгодой и убытком стал очевидным и поразительным.

Тянь Юань улыбался ещё шире, его круглое лицо сияло. В будущем он не только сохранил свою должность, но и получил возможность остаться в истории. Эта сделка была крайне выгодной! Он даже довольно огляделся, словно говоря: "Господа, мудрый человек знает, когда уступить."

Что касается "западных стран", упомянутых небесным голосом, в это время они, вероятно, были дикими и нецивилизованными. Хотя чиновники Шэна имели смутное представление о далёком Западе, чувство превосходства и гордости за цивилизацию, вызванное фразой "на сотни лет раньше, чем на Западе", было вполне реальным.

Глаза императора сверкнули, уголки его губ невольно приподнялись. Западные "варвары", места, где цивилизация ещё не расцвела, их учёные отстают на сотни лет от нашего великого Шэна?

Этот небесный голос не только предвещал реформы внутренней политики, но и показывал, что Шэн в культурном плане значительно опережает другие страны, доминируя на мировой арене!

Это достижение Святого Предка, а также слава всего государства Шэн, что сильно удовлетворило гордость императора как правителя великой империи.

Чиновники также чувствовали гордость, усиливая коллективное осознание того, что "наша страна — центр мировой цивилизации." Предыдущие сомнения в новых законах перед великой исторической картиной и возможностью остаться в истории казались бледными и незначительными. Возможность участвовать в создании такого превосходящего иностранцев культурного наследия была бы высшей честью для любого подданного.

Некоторые смотрели на Ли Чжао с восхищением и уважением. Этот принц был не только признанным правителем небесным голосом, но и мудрым лидером, способным вести империю к процветанию и создавать беспрецедентные достижения.

Следуя за принцем Жуй, не только была работа, но и возможность остаться в истории. Политическая хватка Святого Предка убедила их, что он был лидером, который может достичь успеха и обеспечить своим последователям огромные награды.

В этой волне эмоций Ли Чжао, как путешественник во времени, чувствовал особенно сложные и сильные эмоции. Ему казалось, что его сердце сжимает невидимая рука, а затем внезапно отпускает, выпуская горячую кровь.

Он чувствовал гордость и лёгкое ощущение исторического озарения. В другом времени он слышал мнение: почему многие систематизированные профессиональные знания возникли на Западе? Потому что западные люди умнее?

Нет, не потому.

Попав сюда, он глубоко ощутил мудрость и глубину древних. Дело не в том, что они были менее умны, а в том, что древние системы знаний часто были вплетены в сложные философские учения, ориентированные на государственное управление и личное развитие. Они были сосредоточены на практическом применении и микросмысле, что привело к существованию многих ценных знаний в виде разрозненных советов и опыта, не достигших уровня высоко абстрактных и логически строгих теоретических систем.

И вот теперь, своими руками, они будут закладывать первый камень на этом новом пути.

Небывалое чувство миссии охватило его. Он даже мог "слышать" звук истории, резко меняющей направление.

Он не ожидал, что его будущие реформы экзаменов станут ключевым моментом для формирования этой системной теории! Это было невыразимо и потрясающе.

Он мог стоять на плечах гигантов, на этом решающем историческом перекрёстке, и своими

руками толкать цивилизацию к новому прорыву!

Возможно, будущие студенты Хуа, изучая профессиональные предметы, увидят в начале учебника торжественную запись: "Основополагающий труд данной дисциплины берёт начало из древнего труда 'ХХ'..."

Он не знал, как поделиться этим волнением, этим пониманием исторического контекста и чувством миссии, которое говорило: "Кроме меня, никому!" Он хотел немедленно увидеть Мин Чжэня, схватить его за руку и сказать: "Мы создаём нечто большее, чем просто процветающую эпоху!"

В этот момент Мин Чжень медленно записывал на бумаге ключевые слова: "систематизация", "независимая книга", "западные страны". Он не знал, насколько различаются выражения разных времён, но мог ли он понять это как создание новой, передаваемой будущим поколениям, самодостаточной системы знаний? Значение этого выходило далеко за рамки простой корректировки политики — это было состязание со временем.

[Третий указ Святого Предка стал ещё одной основой литературного расцвета — создание открытой академии. Причина была веской: если экзамены будут включать специализированные предметы, то должна быть система обучения этим знаниям.]

В этот момент чиновники всё ещё находились под впечатлением от мысли "писать книги, чтобы остаться в истории" и не полностью пришли в себя, их мысли практически совпадали с рассказом небесного голоса.

Да, всё правильно, абсолютно всё правильно! Университет и Императорская академия учат классическим текстам, поэтому необходима специальная школа для преподавания этих практических знаний.

Если потребуется, они даже готовы сами преподавать, рассказывая о будущих классиках, которые напишут. Как прекрасно! Остаться в истории, какое счастье! Почти все следовали этой линии мышления, представляя гармоничную картину образовательной реформы.

Однако следующие слова небесного голоса мгновенно разрушили их прекрасные фантазии.

[Это действительно напугало чиновников, которые только что пережили множество испытаний!] Голос небес был с лёгкой насмешливой симпатией.

[Чиновники почесали затылки. Название "открытая академия" звучало слишком похоже на Академию Цзи Ся! То место, где происходило столкновение различных идей и где мысли не контролировались?! Уроки прошлого были ещё свежи, они не осмеливались снова сопротивляться напрямую, поэтому выбрали уважаемого старого министра, который осторожно подбирал слова и спросил Императора: "Не могли бы Вы... объяснить, как собираетесь создавать эту академию?"

Ответ Святого Предка был кратким, но ошеломляющим: "Пригласите представителей всех школ мысли, мастеров ремёсел и техники, соберите их в академии, без ограничений, откройте курсы."

Проще говоря: "Я хочу как академические, так и технические таланты! Академия будет принимать детей от двенадцати до восемнадцати лет. Здесь вы сможете обсуждать академические вопросы и развивать мышление, а если не хотите развиваться, то сможете научиться практическим навыкам, которые помогут вам заработать на жизнь!" Это привело в ярость конфуцианцев и знатные семьи.]

"Все школы мысли?! Мастера ремёсел?!" Некоторые старые министры почти упали в обморок, их пальцы дрожали. Что это значило? Это означало беспрецедентный вызов монополии конфуцианства! Моизм, легизм, аграризм, даже те, кто считался "странными искусствами", войдут в академию и займут место рядом с учением мудрецов!

"Это полный крах порядка! Позор культуры!" Чиновники из знатных семей побледнели. Их положение поддерживалось не только передачей классических знаний, но и монополией на высшее образование.

Теперь Святой Предок собирался включить эти "низкие занятия" и "еретические учения" в официальное образование, доступное для детей простолюдинов! Это явно подрывало основы их господства!

Те, кто ещё мечтал о "написании книг и обучении тысяч учеников", наконец осознали, что реформы Святого Предка не были простым исправлением политики, а стремлением перестроить всё общество. Это было намного радикальнее и глубже, чем простое добавление предметов на экзамены!

Конфуцианцы и знатные семьи почувствовали настоящий, затрагивающий душу страх и гнев. Если раньше сопротивление было связано с интересами, то теперь это стало борьбой за идеологию!

Император сидел, слушая слова небесного голоса. Радость от ранее услышанного о написании книг и культурном превосходстве постепенно уступила место глубокой озабоченности, его брови чуть заметно нахмурились.

Слишком радикально.

Даже если в будущем действительно будет план пересмотра школ мысли и включения практических талантов, не стоило так прямо использовать название "академия" и упоминать "все школы мысли" и "мастеров ремёсел" вместе, так громко.

Конфуцианство передавалось тысячелетиями и уже не было просто философией. Оно глубоко переплелось с местными кланами и знатными семьями, став неотъемлемой частью общества.

Корни этого дерева проникли в каждый уголок земли.

Многие великие правители прошлого понимали контроль конфуцианства над императорской властью и пытались ввести другие идеи для баланса. Но божественное право правителей и этические нормы были глубоко связаны с конфуцианством. Принудительное разделение часто приводило к обоюдным потерям и подрывало основы государства.

Кроме того, если позволить свободное столкновение идей, это приведёт к хаосу, и народ потеряет единую моральную основу. Где тогда будет святость императорской власти?

Он посмотрел на Ли Чжао, который внешне был спокоен, но в глазах которого светилась решимость. Мысли в его голове кружились. Этот сын имел амбиции изменить старые правила и создать процветающую эпоху, и он был доволен этим. Но слишком много огня могло всё испортить.

Он ценил решимость сына, но беспокоился о его молодости и недостатке политического терпения и стратегии. Нужно было подумать о других решениях.

Молчание императора и его нахмуренные брови были замечены многими опытными министрами. Они сразу поняли, что Император также сомневался в этом плане! Это дало им надежду в панике, словно они схватились за спасительную соломинку.

[Нет, нельзя просто сказать, что они были в ярости, они оказали беспрецедентное и жёсткое сопротивление! Даже левый канцлер, который ранее не высказывался против "самопроверки" и "разделения экзаменов", лично выступил с протестом. В то время левый канцлер всё ещё был Чжу Сян, помощник основателя династии, что показывает, насколько "чрезмерным" был Святой Предок.

И именно в этот момент появился третий выпускник, который станет первым директором открытой академии — Ме Фэннянь.]

<http://bllate.org/book/17167/1607049>